

УДК 821.161.1(091) DOI 10.25986/IRI.2022.88.2.009

М. Б. Свердлов

СПБНИИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

ОБРАЗ РУССКОГО КНЯЗЯ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Проблема образа человека в древнерусских историко-литературных произведениях разных жанров разработана недостаточно. Это относится и к Повести временных лет. Новейшими текстологическими наблюдениями доказано наличие многих верных чтений в ее Ипатьевском списке, а не в Лаврентьевском, как считали ранее. С учетом этого обращение к образу князя в Повести временных лет оказывается особо актуальным.

Ключевые слова: образ, Олег, Игорь, Ольга, Святослав, Владимир, Ярослав, Изяслав, Святослав, Всеволод, Святополк Изяславич

Изучению образа человека в древнерусских историко-литературных произведениях разных жанров посвящено немного исследований. Вероятно, впервые эту научную проблему системно проанализировал Д. С. Лихачев [Лихачев, 1970]. В новейшей литературе интерес к ней поддерживает Е. А. Конявская [Конявская, 2009; Конявская, 2021]¹. Новейшими текстологическими наблюдениями доказано наличие многих верных чтений в Ипатьевском списке Повести временных лет (далее – ПВЛ), а не в Лаврентьевском [Повесть временных лет, с. 488]. Поэтому цитаты из нее приводятся по новому изданию памятника, где предпочтение отдано Ипатьевскому списку.

Наиболее обоснованным является вывод, в соответствии с которым ПВЛ была написана в 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором, существенно переработавшим и дополнившим предшествующий ему так называемый Начальный свод (1093–1095) ([Повесть временных лет, с. 488; Артамонов]; см. там же библиографию). ПВЛ является историко-литературным произведением [Лихачев, 1947, с. 169]. Летописец использовал в нем сведения исторических сказаний, современные ему известия, договоры, послания, завещания князей, жития русских святых и другие источники исторической информации [Лихачев, 1975, с. 26–47 и сл.].

Обобщая свои наблюдения, В. О. Ключевский отметил: «... летописец ищет в событиях нравственного смысла и практических уроков для жизни; предметы его внимания – историческая телеология и житейская мораль»; «... историческая жизнь служит нравственно-религиозной школой, в которой человек должен научиться познавать пути Провидения. Горе

¹ Историографию см. в указанных работах.

ему, если он разойдется с этими путями»; «... летописец является моралистом, который видит в жизни человеческой борьбу двух начал, добра и зла, Провидения и дьявола, а человека считает педагогическим материалом, который Провидение воспитывает, направляя его к высшим целям, ему предначертанным»; мысль летописца «сосредоточена не на природе действующих в истории сил, известной ему из других источников, а на образе их действий по отношению к человеку и на уроках, какие человек должен извлекать для себя из этого образа действий» [Ключевский, с. 99–101]. На изложение исторических событий воздействовало также своеобразие авторского самосознания. В частности, это хорошо прослеживается в агиографических произведениях Нестора [Конявская, 2000, с. 28–52].

Такие наблюдения позволяют раскрыть причины формирования и содержание образа князя в летописном тексте.

Основной темой ПВЛ являлась история Русской земли, то есть Русского государства: «Повесть временных лѣт... откуда есть пошла Руская земля... и кто в ней почаль пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть» [Повесть временных лет, с. 62]. В середине X в. византийский император Константин Багрянородный называл это государство $\rho\omega\sigma\acute{\iota}\alpha$ ². В немецких латиноязычных источниках с начала XI в. оно называлось *Russia*, *Ruscia* и т. п. [Свердлов, 2017, с. 48–330]. На особое значение в нем князя и княжеской власти в первой половине X в. указывал русско-византийский договор 911 г.: «Мы от рода рускаго... иже послании от Олга, великаго князя рускаго, и от всѣх, иже суть *под рукою его* (курсив наш. – М. С.), свѣтълыхъ бояръ...» [Повесть временных лет, с. 84]. *Рука* – индоевропейский по происхождению символ власти, распространенный в средневековых странах Европы³.

После введения христианства как государственной религии князь и княжеская власть обрели сакральность: «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» (Рим 13: 1). Такой особый статус князя, кроме материальных символов, утверждался с конца X в. его нахождением во время богослужения на южных хорах храма ниже изображений евангелистов и архангелов, но выше всех прочих молящихся, включая клир, что продолжало традиции византийских императоров [Свердлов, 2019].

Поэтому монах Нестор, повествуя о временах давних и ему современных, не мог, за редкими исключениями, осуждать деяния русских князей, но он выражал свое отношение к ним, создавая образы князей.

Нестор написал о киевском князе-язычнике Олеге как о победоносном: он объединил в своем государстве почти все славянские племена Восточной Европы, в 907 г. совершил поход на Царьград. Он одержал победу, отправив часть войска по берегу, а часть – на ладьях, чтобы они прикрывали друг друга. В 911 г. византийские императоры-соправители вынуждены были заключить максимально благоприятный для Руси мирный договор. По словам летописца, Олега прозвали «вещим», а его переходу в мир иной Нестор придал языческое религиозное содержание: змея выползла из черепа коня и ужалила князя в ногу. Змея и конь – древнейшие сакральные символы у индоевропейских народов, включая славян [Повесть временных лет, с. 84, 90].

Но, излагая события правления преемника Олега князя Игоря Рюриковича, Нестор создал его образ как человека бесталанного, не называя его так в летописном тексте. В 941 г. Игорь отправился в поход на Царьград, чтобы заставить византийских императоров-соправителей

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1989. С. 36 и сл.

³ Историографию и исследование общественного строя Русского государства в IX – первой трети XIII в. см.: [Свердлов, 2020].

возобновить действие русско-византийского договора 911 г. Но в отличие от Олега Игорь посадил все войско в ладьи. Вследствие такой неразумной организации похода оно понесло значительные потери и безуспешно вернулось на Русь. Однако возобновление договора с Византией было необходимо. Поэтому в 944 г. Игорь организовал поход на Царьград, как Олег, так что императоры-соправители возобновили договор, близкий по содержанию к предыдущему, не доводя события до военного столкновения [Литаврин, с. 61–130].

О бесталанности Игоря свидетельствовало также повествование летописца о сборе им дани-подати с древлян, которые входили в состав его государства. Со значительной дружиной он собрал с древлян дани, тогда как его мужи совершали над ними насилие. Игорь направился было в Киев, но передумал. Большую часть дружины с данью он отправил «домой», а с малой дружиной отправился собирать подати повторно. Древляне попытались решить дело миром, но Игорь не согласился. Оправдывая древлян в последовавших событиях, Нестор написал о том, что они уподобили Игоря волку, который повадился таскать овец и вынесет все стадо, если его не убить. Они восстали, убили князя и его дружинников. Таким образом, летописец создал образ Игоря как человека неразумного, а читателям летописи было очевидно, что он погиб по своей вине [Повесть временных лет, с. 104].

Противоположным стал образ овдовевшей княгини Ольги. Она – жестокая мстительница древлянам и их послам за гибель мужа, мудрая правительница Русского государства во время детства и юности сына Святослава Игоревича, крещенная в Царьграде императором Константином и патриархом. Гордая княгиня перехитрила Константина, который предложил стать его женой, и отказала императору в военной помощи, оскорбленная тем, что тот ее долго не принимал, когда она прибыла в Царьград. В своей божественной премудрости и в крещении, как написал летописец, она выше библейской царицы Савской [Повесть временных лет, с. 104–112].

В повествовании о мести Ольги древлянам и их послам летописец использовал фольклорные и литературные сюжеты, которые существовали также у других европейских народов, включая скандинавов, в раннее Средневековье [Рыдзевская, с. 194–202]. Император Константин не мог свататься к Ольге, поскольку был женат, а сведения о причине отказа Константину в военной помощи не соотносятся с торжественными приемами княгини и ее посольства императором и его супругой в константинопольском дворце [Литаврин, с. 168–174]. Но созданный летописцем поучительный историко-литературный образ мудрой Ольги был предопределен отношением к ней как к предстательнице за Русь перед Господом: «Си пѣрвое вниде въ царство небесное от Руси, сию бо хвалить рустии сынове акы начальницу, ибо по смерти молящися къ Богу за Русь» [Повесть временных лет, с. 116].

Повествуя о князе Святославе Игоревиче, летописец создал его образ отважного и неприхотливого воина, благородного полководца, который предупреждал противника о предстоящем нападении. Такому образу соответствовало сравнение летописцем князя с барсом. Поэтому, обстоятельно сообщая о войнах Святослава, Нестор почти ничего не написал о его управлении Русским государством, но сообщил об отказе князя креститься, что предложила ему мать, при этом Святослав на нее «гневался». Этот отказ он объяснил военной необходимостью: «А дружина моя сему смѣяти начнут» [Повесть временных лет, с. 112]. То есть князь и его дружина должны составлять не только боевое, но также религиозное единство. Это единство проявилось во время военных действий против Византии. Когда русские воины устремились в 971 г. многочисленного византийского войска, Святослав обратился к ним со словами, которые соответствовали идеалу князя-воина: «Да не посраммим земли Руские, но ляжемы костью ту, и мертвыы бо сорама не имаеть. Аще ли побѣгнеть, то

срамъ нам. И не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду... И ркоша вои: “Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложим”» [Повесть временных лет, с. 118].

Изложив обстоятельства гибели Святослава в 972 г., Нестор подробно написал о том, как в борьбе за единовластие старший из его сыновей Ярополк погубил второго по старшинству брата Олега, а младший из братьев Владимир – Ярополка. В соответствии с обстоятельствами правления Владимира летописец обоснованно разделил его на языческий и христианский периоды. Но в оба периода князь Владимир – мудрый политик и блестящий полководец, который расширял пределы своего государства. В соответствии с жанровой литературной составляющей летописи, Нестор приписал Владимиру-язычнику безмерное женолюбие. Но он возвысил русского князя, уподобив его в этой страсти мудрому библейскому царю Соломону [Повесть временных лет, с. 118]. Нестор обстоятельно написал о том, как Владимир, захватив после осады Корсунь (Херсонес), центр византийских владений в Северном Причерноморье, заставил императоров-соправителей Василия и Константина отдать ему в жены их сестру, порфирородную принцессу Анну. При этом летописец литературно тонко отметил, что Владимир их унизил, отдав «за вѣно», свадебный дар-выкуп, Корсунь, который им ранее принадлежал [Повесть временных лет, с. 160]. Главным в деяниях Владимира стало крещение Руси, так что образ русского князя стал подобен византийскому императору Константину Великому: «Се есть новы Костянтинъ великаго Рима, иже крести вся люди своя самъ, и тако сии створи подобно ему» [Повесть временных лет, с. 174].

Изложение последующей истории Руси как христианского государства предоставило Нестору возможности использовать сопоставления русских князей с персонажами Священного Писания. Когда летописец написал об убийстве князей Бориса и Глеба Владимировичей по приказу их двоюродного брата Святополка Ярополковича, принадлежавшего к старшей княжеской ветви, в борьбе за киевское княжение, он уподобил Святополка не только ветхозаветному Каину, но также Авимелеху, незаконнорожденному сыну Гедеона. Авимелех убил после смерти отца 70 своих братьев [Повесть временных лет, с. 188, 508].

Обращение Нестора к Священному Писанию значительно расширяло литературные возможности при создании образного ряда русских князей. Когда он написал о строительной деятельности Ярослава Владимировича в результате объединения под его властью Русского государства в 1036 г., а также о быстром увеличении произведений переводной с греческого и южнославянской церковной письменности, под пером Нестора Ярослав обрел черты христианского просветителя. Но христианизаторскую деятельность Владимира и его сына Ярослава, распространение книг он образно углубил, сопоставив с трудом земледельцев, которые обеспечивали жизнь всех людей: «Якоже бо нѣкто землю разореть (распашет), другии же насеѣтъ, инии же пожинають и ядятъ пищу бескудну, – тако и се: отецъ бо сего Володимеръ землю разора и умягчи, рекше крещениемъ просвѣтивъ. Сии же Ярославъ, сынъ Володимеръ, насѣя книжными словесы сердца вѣрныхъ людий. А мы пожинаемъ, учение приемлюще книжное» [Повесть временных лет, с. 194].

Таким образом, Нестор, отвечая на основные вопросы ПВА, сформулированные в начале своего труда, создал не только сложное в своем содержании историческое сочинение о Русской земле, но также галерею художественных образов ее князей. В этих образах он проявил историзм, излагая основное содержание их деяний.

Повествуя о князьях языческой поры, Нестор как литератор указывал на победоносность и мудрость Олега, бесталанность Игоря, мудрость Ольги. Святослав стал примером талантливого князя-воина, образцом воинской чести. Креститель Руси Владимир – мудрый политик и блестящий полководец. При этом включение Руси в систему христианского мира

Нестор стал использовать для образного сопоставления русских князей с персонажами Священного Писания, но не упуская возможность образно углубить христианизаторскую деятельность Владимира и его сына Ярослава, распространение Ярославом книг, сопоставив эти деяния с трудом земледельцев, которые обеспечивали жизнь всех людей.

Впрочем, политическая действительность на Руси второй половины XI – начала XII в. поставила перед Нестором проблему выбора: христианская нравственность или политическая целесообразность.

Ярослав Владимирович перед своей кончиной в 1054 г. разделил свое обширное государство между сыновьями на отчины – наследственные владения. Политический смысл этого решения заключался в том, что на Руси не было ни предшествующей многовековой системы местного имперского управления как в Византии, ни феодальной системы сеньориально-вассального соподчинения как в странах Западной Европы. Наделение Ярославичей и других потомков Владимира Святославича отчинами должно было приблизить прямое княжеское управление к конкретным территориям, а братская любовь должна была регулировать соподчинение старших и младших князей [Свердлов, 2021].

Но эта идеальная конструкция оказалась политически и социально несостоятельной. До 1068 г. старшие Ярославичи, Изяслав, Святослав и Всеволод, сохраняли братское единство. Когда в 1066 г. полоцкий князь Всеслав Брючиславич напал на Новгород, владение Изяслава, новгородский летописец адекватно передал горестное содержание этого события: «...и възъ Новгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие. О, велика бѣда въ час тыи; и понекадила съима»⁴. То есть Всеслав захватил не только новгородцев, но также колокола и паникадила Святой Софии, совершив святотатство.

Старшие Ярославичи жестоко отомстили Всеславу. В сильный мороз они предприняли поход на Минск, захватили его, убили там мужчин, а женщин и детей взяли в плен. В сражении на реке Немиге они разгромили войско Всеслава. В знак примирения и безопасности Всеслава они целовали крест, но пленили его в шатре и посадили с двумя сыновьями «в порубь» [Повесть временных лет, с. 206, 208].

Последовавшие события – нашествие в 1068 г. половцев, поражение от них объединенного княжеского войска, восстание киевлян, освобождение ими Всеслава и посажение его на киевское княжение, бегство Изяслава в Польшу – Нестор характеризовал как наказание Божие за нарушение крестоцелования. При этом киевское вокняжение Всеслава стало, по словам Нестора, следствием Божественного покровительства полоцкому князю как человеку, пострадавшему от нарушения крестоцелования: «Се же Богъ яви крестную силу...» [Повесть временных лет, с. 212].

Впрочем, Нестор здесь же должен был вернуться к изложению последовавших событий. Изяслав с военной поддержкой Болеслава Смелого (Щедрого) пошел на Киев, Всеслав тайком бежал в свой Полоцк. Сын Изяслава Мстислав жестоко отомстил киевлянам – участникам восстания. Но с 1073 г. между старшими Ярославичами, их сыновьями и племянниками начались жестокие распри в связи с неоднократным переделом отчинных владений. Излагая содержание этих событий, Нестор преимущественно передавал их суть, не используя литературные образы. Поэтому, повествуя о гибели Изяслава 3 октября 1078 г., летописец написал лишь о свойственной ему братской любви [Повесть временных лет, с. 238, 240]. Миролюбие Всеволода, его любовь к братьям и племянникам стали основной идеей повествования Нестора о его мирной кончине 13 апреля 1093 г. [Повесть временных лет, с. 250], что стало для Нестора главным в идеальном образе князя вообще. Лишь для Святослава – инициатора многих

⁴ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 17.

распрей – у Нестора не нашлось положительной характеристики, когда он написал только о смерти этого князя от неудачной операции («от рѣзанья желве») 27 декабря 1076 г. [Повесть временных лет, с. 236]. Возможно, в этом выразилось скрытое осуждение летописцем деяний Святослава после 1068 г.

На негативные характеристики Нестором князей, вероятно, воздействовало, кроме собственных суждений, мнение современников. Эта связь достаточно ясно прослеживается в его повествовании о погребении Святополка Изяславича после его киевского княжения (1193–1113). Он был человеком грешным, покровительствуя ростовщикам. Как написал Нестор, после смерти Святополка 16 апреля «за Вышгородом» его тело привезли в ладье в Киев, совершили отпевание и погребли в построенной им церкви Михайлова Златоверхого монастыря. При этом его вдова раздала многие богатства монастырям, «попомъ и убогимъ, яко дивитися всѣмъ челоуѣкомъ, яко такая милости никтоже можетъ створити». То есть она хотела замолить грехи мужа и оставить о нем хорошую память. Но уже на следующий день в Киеве началось восстание. Киевляне разграбили двор тысяцкого Путятя, дома сотских и евреев-ростовщиков, так что, вероятно, люди знатные и богатые обратились к Владимиру Мономаху с просьбой срочно вокняжиться в Киеве, иначе восставшие нападут на его невестку, бояр и монастыри. Срочной мерой Владимира Мономаха стало издание им Устава о резах-процентах [Повесть временных лет, с. 306; Свердлов, 2020, с. 601–606].

Таким образом, Нестор несколькими тонкими литературными штрихами создал посмертный образ Святополка Изяславича как человека греховного.

Литературные образы князей, созданные Нестором, существенно дополняли конкретные сведения об их деяниях, разъясняя читателям ПВЛ сложное содержание происходивших событий. Некоторые из таких характеристик могут быть полезны и современным нам историкам при изучении антропологического фактора в историческом процессе.

Литература

- Артамонов Ю. А. Нестор // Древняя Русь в средневековом мире. Энциклопедия / Под общ. ред. Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина. М., 2014. С. 538.
- Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956. Т. 1. 426 с.
- Конявская Е. Л. Авторское самосознание древнерусского книжника (XI – середины XV в.). М., 2000. 198 с.
- Конявская Е. Л. Образ Александра Невского в ранних летописях // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2 (36). С. 55–63.
- Конявская Е. Л. О Житии Александра Невского // Исторический вестник. 2021. Т. 35. С. 60–75.
- Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). М., 2000. 413 с.
- Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. 499 с.
- Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. 178 с.
- Лихачев Д. С. Великое наследие. Классические произведения литературы древней Руси. М., 1975. 366 с.
- Повесть временных лет / Подгот. текста, пер. и коммент. О. В. Творогова // БЛДР. СПб., 1997. Т. 1. С. 62–315, 487–524.
- Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. / Сост. М. Б. Свердлов. М., 1978. 239 с.
- Свердлов М. Б. Латиноязычные источники по истории Древней Руси IX–XIII вв. Германия. «Правда Русская». История текста. Избранные статьи. СПб., 2017. 588 с.
- Свердлов М. Б. К изучению хор новгородских храмов XI – первой трети XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 109–113. DOI 10.25986/IRI.2019.75.1.0025
- Свердлов М. Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI – первой трети XIII в. СПб., 2020. 1039 с.
- Свердлов М. Б. Ярослав Мудрый: «И будете мирно живуще» // Петербургский исторический журнал. 2021. № 2. С. 7–17. DOI 10.51255/2311-603X_2021_2_7

References

- Artamonov, Yu. A. Nestor [Nestor]. In *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire. Entsiklopediya*. Eds. E. A. Melnikova and V. Ya. Petrukhin. Moscow, 2014. P. 538.
- Klyuchevskii, V. O. Sochineniya [Works]. Moscow, 1956. Vol. 1. 426 p.
- Konyavskaya, E. L. Avtorskoe samosoznanie drevnerusskogo knizhnika (XI – serediny XV v.) [Author's Self-Awareness of Old Russian Writer (11th – middle of 15th Centuries)]. Moscow, 2000. 198 p.
- Konyavskaya, E. L. Obraz Aleksandra Nevskogo v rannikh letopisyakh [The Image of Alexander Nevsky in the Early Chronicles]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2009. No. 2 (36). Pp. 55–63.
- Konyavskaya, E. L. O Zhitii Aleksandra Nevskogo [On Life of Alexander Nevsky]. In *Istoricheskii vestnik*. 2021. Vol. 35. Pp. 60–75.
- Likhachev, D. S. Russkie letopisi i ikh kul'turno-istoricheskoe znachenie [Russian Chronicles and Their Cultural and Historical Significance]. Moscow; Leningrad, 1947. 499 p.
- Likhachev, D. S. Chelovek v literature Drevnei Rusi [A Man in Old Russian Literature]. Moscow, 1970. 178 p.
- Likhachev, D. S. Velikoe nasledie. Klassicheskie proizvedeniya literatury drevnei Rusi [The Great Heritage. The Classics of Old Russian Literature]. Moscow, 1975. 366 p.
- Litavrin, G. G. Vizantiya, Bolgariya, Drevnyaya Rus' (IX – nachalo XII v.) [Byzantium, Bulgaria, Old Rus (9th – Early 12th Centuries)]. Moscow, 2000. 413 p.
- Povest' vremennykh let [The Tale of Bygone Years]. Text preparation, translation and comments by O. V. Tvorogov. In *Biblioteka literatury Drevnei Rusi*. Saint Petersburg, 1997. Vol. 1. Pp. 62–315, 487–524.
- Rydzevskaya, E. A. Drevnyaya Rus' i Skandinaviya v IX–XIV vv. [Old Rus and Scandinavia in the 9th – 14th Centuries]. Compiled by M. B. Sverdlov. Moscow, 1978. 239 p.
- Sverdlov, M. B. Latinoyazychnye istochniki po istorii Drevnei Rusi IX–XIII vv. Germaniya. “Pravda Russkaya”. Istoriya teksta. Izbrannye stat'i [Latin Sources about Old Russian History in 9th – 13th Centuries. “Pravda Russkaja”. History of the Text. Selected Articles]. Saint Petersburg, 2017. 588 p.
- Sverdlov, M. B. K izucheniyu khor novgorodskikh khramov XI – pervoi treti XII v. [On the Chorus of the Temples of Novgorod in the 11th to the First Third of the 12th centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 109–113. DOI 10.25986/IRL.2019.75.1.0025
- Sverdlov, M. B. Domongol'skaya Rus': Knyaz' i knyazheskaya vlast' na Rusi VI – pervoi treti XIII veka [Rus before Mongols' Invasion: Prince and Prince's Power in Rus in the 6th – the First Third of 13th Century]. Saint Petersburg, 2020. 1039 p.
- Sverdlov, M. B. Yaroslav Mudryi: “I budete mirno zhivushche” [Jaroslav the Wise: “You Will Live Peacefully”]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2021. No. 2. Pp. 7–17. DOI 10.51255/2311-603X_2021_2_7

Mikhail B. Sverdlov

Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg, Russia

IMAGE OF RUSSIAN PRINCE IN THE TALE OF BYGONE YEARS

The problem of the image of a person in Old Russian historical and literary works of various genres has not been sufficiently developed. This also applies to the Tale of Bygone Years. The latest textual observations have proved the availability of many correct readings in its Hypatian copy, and not in the Laurentian one, as was previously believed. Therefore, the study of the prince's image in the Tale of Bygone Years seems particularly acute.

Keywords: image, Oleg, Igor, Olga, Svyatoslav, Vladimir, Yaroslav, Izyaslav, Svyatoslav, Vsevolod, Svyatopolk Izyaslavich

